

Владимир
Журавлев

ОТСВЕТЫ

Рассказы

ВОТ И ВСЯ ЛЮБОВЬ

Село гуляло. Сбросив с себя натруженную усталость, в пыль перемолачивая ее дробным плясом на толстых тесаных листовенничных половицах, пряча за искренним весельем легкую тревогу и боязнь сглаза, никто вслух не говорил о серьезности повода, по которому затеяна гулянка. Так совпало, что назавтра, угадав в первый осенний набор, сразу пятеро парней уезжали утренним автобусом в город, в райвоенкомат. Оттуда уже в областной центр, на призывной пункт, и далее в часть, кто на два, кто на три года – кому где повезет служить.

Хотя время нынче спокойное: ни по телевизору, ни по радио ни о какой беде давным-давно ничего не передавали, и даже война стала потихоньку забываться, но кто его знает. Про Даманский остров десять лет назад тоже думать не думали, а вон как вышло.

А потому родня провожала своих солдат как положено: весело, хмельно и слезно. К указанной в повестке дате каждая семья, где образовался призывник, прибрала, не дожидаясь морозов, кое-что из живности. Нажарили, напарили по ведру котлет с голубцами. Выгнали столько же самогона, прикупили для желающих красного вина, а для почетных гостей водки и зазвали народ на проводины.

По времени накрыли длинные столы, составленные из двух, а то и трех столов поменьше. Усадили новобранца вместе с бабушкой и, у кого жив, дедушкой посередине. Попивая домашнее свежесваренное пиво с первыми гостями, соблюдая порядок, выждали положенные полчаса остальных и, подняв налитые до краев стопки и рюмки, всей честной компанией дали парню старт к новой жизни, по сравнению с которой прошлая, как ни крути, всего лишь детская забава.

В момент уравнившийся с отцами и старшими братьями стриженный «под ноль», обвязанный белыми полотенцами по старому обычаю, заведенному в сибирском селе еще первыми переселенцами из Чувашии, будущий солдат без стеснения принял вместе со всеми «по полной». С сегодняшнего дня он взрослый, и выпивка теперь – его личное дело и ответственность.

Часа через три из домов, где «гуляли проводины», гости начали шумно растекаться по другим домам с таким же застольем, чтобы через некоторое время оттуда перебраться в следующий. По улице мимо притаившихся в тени парочек прокатилась волна громких разговоров, смеха и песен под гармошку. Земляки

должны обязательно успеть пожелать доброй дороги каждому из повзрослевших мальчишек и сказать о них несколько приятных слов родителям. Даже в сравнительно большом по сибирским меркам селе все между собой родственники или кумовья, а потому, если был на одних проводинах и не зашел на другие, это воспринимается как личная обида. Особенно щепетильны в этом отношении старики, причем не только когда дело касается проводин. Было дело, бабка Васёна запретила внукам бывать у своей троюродной сестры, жившей в городе, за то, что «ни хозяйства, ни покоса, а на свадьбу приехать ей некогда. Хоть на улице ночуйте, а к ней шагу не ходите, пока первая не придет».

Первая волна гостей от Васильевых, живших почти на конце села, если ехать из города, уже схлынула и направилась, по всей вероятности, к Машугиным, что через три дома напротив. Пришедшие им встречу были еще не так многочисленны, и в доме образовалось временное затишье. Нисколько не задумываясь, что будет завтра, Игореха, высокий, не по годам кряжистый и спокойный парень, которого сегодня Васильевы провожали, ждал лишь, когда наконец придет его Настя. Ну и, конечно, прикидывал, как половчее растранижить «одоженные» ему за сегодняшний вечер деньги. Из рассказов тех, кто уже отслужил, он давно знал, что на призывном пункте магазина нет, а по прибытию в часть, а то уже и в вагоне их все равно отберут, а потому надо успеть потратить до этого.

Еще меньше месяца назад, когда после окончания курсов ДОСААФ¹, он похвастал перед своими друзьями в деревне «корочкой» радиста, чтобы «обмыть» ее, им пришлось идти за Протоку, на остров, подальше от родительских глаз. А сейчас гордый и довольный, что успел попасть в армию со своим призывом, и не абы куда, а сто процентов в десантуру, об этом ему сам начальник курсов сказал, он запросто поддерживает мужиков, что подходят к нему выпить и сказать пару слов персонально.

Будучи уже слегка навеселе, снял, чтобы не мешали, и отдал матери десяток повязанных ему гостями полотенец, оставив только два самых красивых, с красной узорчатой вышивкой по концам. По-хозяйски угощает, кто чего пожелает выпить, гостей, не забывая при этом себя, и нет-нет, легонько притуляется к неотлучно сидящей рядом азаньке² – так в их доме, переиначив чувашское слово на русский манер, называли бабушку. А она, одетая в свое любимое, а теперь, может, и единственное праздничное кебе³, сшитое для нее еще матерью без малого век назад, из мягкого, отбелённого самотканого холста, украшенное традиционной почти не поблекшей красно-черной вышивкой, уже несколько раз принималась плакать, но скоро успокаивалась и только все гладила, гладила своего печекки монукне⁴, которому едва доставала до плеча загорелыми, похожими с тыльной стороны на пергамент морщинистыми ладошками.

Решив выйти во двор проветриться, Игорь как раз подошел к приоткрытой, чтобы вытягивало духоту, двери, когда та отворилась, и в дом вошла тетка, совсем недавно схоронившая мужа. Обрадованный, что она все-таки пришла, Игорь забыл про все на свете, обнял ее за плечи и повел к столу. Тетя Лида, еще не оправившаяся после постигшего ее горя, видя, как разулыбался Игорек, выросший, как обычно бывает в деревне, у нее на глазах, тоже улыбнулась, прижалась к его груди, коротко всплакнула, вытерла слезы и вынула из бумажного свертка длинное белое полотенце. Накинула его Игорю на правое плечо и завязала слева у пояса.

¹ ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

² Азанька – производное от чувашского слова азанне – бабушка или, дословно, – старшая мама.

³ Кебе (чуваш.) – платье.

⁴ Печекки монукне (чуваш.) – маленький внучек.

– Пусть твоя дорога, сыночек, будет такой же светлой, ровной и чистой, как это полотенце. И пусть она приведет туда, откуда ты завтра ее начнешь.

Потом вручила загадя приготовленные три рубля и строго произнесла:

– Не дарю, в долг даю. Не забывай про него, вернись домой и верни.

Игорь, соблюдая обычай, так же серьезно ответил:

– Обязательно вернусь. И сам вернусь, и долг верну.

Он снова обнял тетку, посадил за стол рядом с бабушкой и налил обеим вина.

– Не хотела я идти, – вздохнув, подняла рюмочку тетя Лида, – сороковины еще не отведали, какая тут гулянка. А потом думаю, проводины не свадьба, когда еще свидимся – надо идти. Да и Борис не должен обидеться, что пошла. Ты ведь для него свой был, он тебя нисколько не разделял. Хоть старших: Наташу с Леной возьми, хоть Вовика. Вам с ним вообще всегда все поровну доставалось – хоть пирогов, хоть матюгов.

– Это точно. Один угнанный да по самы уши в болотину засаженный трактор чего стоит, – Игорь, улыбнувшись, словно засветился изнутри и на миг снова стал маленьким, вихрастым неслухом. – Сначала думали, прибьет нас дядька. А когда ему мужики сказали, что гордись, мол, в тебя парни пошли, трактористами будут, он и оттаял, даже обратно на том же тракторе до дома довез. Ну ладно, давайте за дядю Борю, царство ему небесное.

Капнув из рюмочек на стол, застеленный специально хранимой для больших гулянок цветастой клеенкой, бабушка с тетей Лидой только пригубились, а Игорь все, что было в стопаре, опростал до дна и закусил четвертинкой не то политого, не то намазанного густой сметаной груздя.

Неожиданно дверь широко распахнулась, и в дом со свистом и криком ввалилось человек десять, специально для этого молчком подобравшейся молодежи. Парни под приплясывание девушек с порога загорланили частушки, слегка подуставший от выпитого гармонист тут же встрепенулся и подхватил с лавки свой инструмент:

Девки, плачьте мне на грудь,
Жить без моря не могу.
Девки солоно рыдали,
Один фиг в стройбат забрали!

Девчонки взвизгнули, парни ухнули и тут же снова рубанули:

Перед армией жениться –
Век свободы не видать.
На два года налюбовиться
За ночь надо успевать.

А потом из круга выпорхнула Настя, которую Игорь так терпеливо ждал, потому что, кроме него, она сегодня провожала еще и своего родного брата Коляна – одноклассника и друга Игоря.

Не дойдя, а допарив до места, где сидел Игорь, Настя выдала звонкую плясовую дробь, остановилась, чуть наклонясь вперед, раскинула руки, плавно обвела ими полукружье и, глядя на Игоря, озорно пропела:

Облетел в саду кусточек,
В осень цвета не набрать.
Стал солдатом мой дружок,
Надо нового искать.

Сидевшая рядом с Игорем бабушка – в молодости отчаянная певунья и плясунья – сразу же затопотала по полу ногами, обутыми в подбитые толстой кожей, старомодные ботиночки на каблукках, которые носила еще чуть ли не в девках, и стала прихлопывать ладошками.

Ее глаза заблестели, сама она вся аж подалась в сторону Насти:

– Похха ез она! Ах, меньше матур!⁵

Не решившись, однако, пойти плясать сама, ткнула локтем под бок внука:

– Мень туза ларан? Тух ташлама!⁶

Игорь как будто того и ждал. Цыганистый в отца, не по-чувашски остролицый, легко вскочил, дерзко, грудь колесом, но так, чтобы не отдавить Насте ноги и не опрофаниться, бухнул возле нее своим сорок шестым размером топтуна и, подняв и резко бросив вниз руки, выдал на всю избу:

Заявила мне подружка,

Что не станет меня ждать.

Ох, мягка ее подушка,

Да скрипучая кровать.

Плеснув в компанию свою порцию веселого гомона и суматохи, вошедшие шумно задвигали стульями и лавками и, не менее шумно приветствуя сидящих за столом, стали располагаться рядом.

Настя скромно присела было вместе со всеми, но Игорева мать без лишних церемоний указала ей на свободный стул рядом с сыном:

– Сегодня твое место здесь, а там, как Бог даст.

Зардевшаяся девушка присела рядом со своим парнем. То, что они почти год встречаются – это одно, об этом все знают, так как в деревне по этой части секретов не бывает. Но когда мать парня усаживает девушку рядом с ним на проводинах – дело совсем другое. Это, можно сказать, почти помолвка.

Гости расселись, и застолье легко потекло дальше, словно речка вдоль деревни, по проторенному руслу. Хмельной будущий солдатик, обвязанный полотенцами, сидит, улыбается, подружка скромно к его плечу жметя, печалится. Матушка и сестры между кухней и столом мечутся, за гостями ухаживают. Батя за столом с мужиками то о жизни спорит, то братается. Тетушки и бабушки о том, как очазем исрещь, сиденьчещь, эбир вадалапар⁷ говорят и поплакивают. Молодежь под гармошку или пластинки танцует и пляшет. Все пьют-закусывают да желают новобранцу скорого возвращения. В общем, все как положено – «от людей» за проводины не стыдно.

К двум часам ночи гулянка мало-помалу утихла, и последние гости окончательно разошлись. Молодежь – в клуб, на танцы, старики улеглись спать, а те, на ком любое село держится, разошлись по домам в числе первых. Хозяйство долгих праздников не любит.

Как всегда делается после больших застолий, женщины из близкой родни дружно убрались в доме, перемыли всю нехитрую посуду и присели за теперь уже небольшой стол, чтобы по-простому перекинуться ничего не значащими словами, выпить в тишине «по крайней» и условиться на завтрашнее утро. Настю, взявшуюся помочь, очень довольная этим Игорева мать тем не менее отправила домой:

– У вас самих проводины, и надо там помочь.

Кроме нее, дочерей и Лиды, уходившей в самый разгар веселья и специально вернувшейся помочь, когда все гости разошлись, была еще два раза выходившая замуж и оба раза ненадолго родная сестра Бориса – Клава и Нюра – соседка из дома напротив, которую мать Игоря сильно выручила с проводинами среднего сына в прошлом году.

⁵ Похха ез она! Ах, меньше матур! (чуваш.) – Посмотри на нее! Ах, какая молодчина!

⁶ Мень туза ларан? Тух ташлама! (чуваш.) – Чего сидишь? Иди плясать!

⁷ Очазем исрещь, сиденьчещь, эбир вадалапар. (чуваш.) – Дети выросли, повзростели, а мы постарели.

Все-таки и вправду – проводины не свадьба. Выпили женщины по половиночке, больше для проформы, чем из желания, что-то спросили, что-то ответили и задумались, каждая о своем, не мешая чужим мыслям разговорами. Нюра – о сыне, который, как ей кажется, в письмах что-то не договаривает. Клава – о своем новом «женехе», что хоть и обещает жениться, но, скорей всего, врет. Сестры Игоря – о том, как, оказывается, трудно относиться с прежним вниманием к родительскому дому и родительским просьбам, когда появляется свой собственный дом и своя семья.

Игорь, после ухода гостей растащив лавки и столы по их законным местам и вынеся из дому в сарай большие, тяжелые ведра с отходами, немного поерзал за столом рядом с женщинами и намылился в клуб, где, как он полагал, его ждет Настя и друзья. Но, получив от матери короткий выговор: «Не хватало мне еще утром тебя по всей деревне бегать искать, чтобы ты на автобус да в армию не опоздал. Будь дома!» – вернулся к столу, придумывая хоть какой-нибудь повод выскочить за калитку.

Лида, решив, что сейчас уже и торопиться некуда, и стыдиться нечего, присела рядом с сестрой и тихо, почти отрешенно, изливала ей душу, теребя краешек снятого с головы платка: «Борис ведь только внешне ершистый был. Характером-то совсем другой, хотя тоже – шепутной. Никогда ни меня, ни ребятешек не обижал. Да каким бы не был – больше двадцати лет вместе прожили, детей, хозяйство нажили. Не силком ведь за него выходила, год он меня обхаживал, пока я выйти согласилась. Да что я тебе рассказываю, ты сама все видела, при тебе было. Ты хоть девчушкой еще была, а глаза-то у тебя сверкали, когда расспрашивала, что да как, когда я домой по утреннему туману заявлялась». Умолкла и, в который уже раз за сегодня, смахнула слезы.

Лида была на год старше своего покойного мужа, но всегда выглядела моложе, чем он. Ее густые волосы, совершенно прямые и такие черные, что если бог не дал, то никакими красками не добьешься, только начала трогать седина. На людях они у нее всегда были убраны «в шишку» и покрыты бордовым платочком. Этот цвет она любила, да и к лицу он ей был, если честно. В деревне Лиду вообще все считали красивой. К ее возрасту нелегкая работа с утра до вечера при любой погоде еще не успевает преждевременно состарить привычную ко всему деревенскую женщину, быстро наверстывая упущенное чуть позже. А Лиду к тому же еще и муж жалел, по возможности стараясь не взваливать на нее лишнее. Лишь мозолистые, огрубевшие ладони, узловатые пальцы да усталые глаза выдавали, как это, в прямом смысле, тяжело дается, чтобы твои дети ели не только сытно, но и сладко, а спали не только крепко, но и мягко.

Вера, взявшая на похоронах зятя все хлопоты на себя и искренне отплакавшая по нему вместе с сестрой, горестно вздохнула:

– Знаю, Лида, знаю и все помню. Только Бориса уже не вернуть, а тебе жить надо. У тебя сын служит, дочки – одна на выданье, а другой рожать скоро. Ей помогать надо, на сватовей твоих особо надежды нет. Они люди городские, у них свои порядки, мы им и сами никто, и звать нас никак. Сынка ихнего охмурила наша деревенская девка, вот и всё их суждение, – она сердито ткнула в никак не подозревающийся на алюминиевую вилку огурец.

– Ну что ты, Вера, напраслину говоришь. И зять вроде приветливый, и сватовья хорошие. С похоронами вон помогли, – как-то неуверенно, чувствуя правоту младшей сестры, возразила Лида.

– Ага, помогли. Колбасы да литру водки с города привезли, а потом сами же всё съели да выпили, потому что нашим брезгуют. Наплачется твоя Наташка с этим исполкомовским зятком, помяни мое слово – наплачется. Так что ты нюни

не распускай, а думай, как дочь да кто там у нее родится тащить будешь, ну а мы чем сможем, тем поможем. Так ведь, сынок?

Вера, не без оснований недолголюбивавшая новую городскую родню, специально задорила сестру, чтобы та, занявшись детьми, одолела, наконец, похоронное настроение.

Гонявший свои мысли и потому особо не прислушивавшийся к разговору матери с теткой, Игорь не сразу понял, о чем и ком идет речь, а когда сообразил ошарашил и мать, и тетку:

– Да гад он, этот зятек, если честно. Сам же, когда еще бегал за Наташкой, вызвал Машуга в клубе один на один, а когда тот ему без разговору всё, то в городе его через неделю с толпой выловил и попинал. Он думал, никто не узнает, как он там на Машуга пальцем из-за угла ткнул. Если бы Наташка тогда не вмешалась и отцу все не рассказала, то ему бы после этого в первый же приезд здесь так по башке надавали, что он на всю жизнь сюда дорогу забыл. Была бы ему свадьба. Да ему и сейчас, по-хорошему, надо бы надавать, да ладно уже.

Тетя Лида с застывшим в глазах ужасом подняла взгляд на Игоря:

– Ты что такое говоришь! Разве ж так можно! Он ведь тебе родня.

– Ага! Значит, когда Машуг две недели на каникулах в общаге просидел, чтоб синяки родителям не показывать, а им сказали, что он на практику уехал – это можно! А в ответку дать – это уже нельзя! И какая он мне родня. Наташка вот родня, а он нет. Да и Наташку ни я и никто бы не послушал, если б не дядя Боря. Он мужик хоть и резкий, но справедливый был. Для меня он вообще навроде комиссара, я бы за ним хоть в огонь!

Игорь, увлекшись, не заметил, что все женщины притихли и внимательно его слушают.

– Если бы не он, у нас в деревне некоторых уже давно за драку или еще за что посадили. Во всяком случае, меня – точно.

– Тебя? За что?! – теперь уже с удивлением и страхом уставилась на него мать.

– Наверно, было за что, раз дядька после того, как с ним участковый поговорил, обещал и Вовику, и мне головы отвинтить и вместо них чугулки, в которых мешанку пороссятам варят, приделать.

Выясняя такие страшные вещи о собственных детях, никто из женщин не обратил внимания, как возле дома потарахтел и умолк мотоцикл, потом стукнула калитка, и во дворе несколько раз беззлобно гавкнула собака, выпущенная после ухода гостей из будки на волю. Поэтому, когда дверь приоткрылась и в нее просунулся недавно ушедший вместе с остальными парнями Санька Карницкий, все, слегка опешив от неожиданности, умолкли, а тот заговорщически мотнул головой с растрепанными на ветру патлами до плеч и тут же скрылся за дверью.

– Куда опять засобирался?! Ему завтра в армию идти, а он до самого света шарахаться будет. Ни за чем добрым в такое время этот Санька не позовет! – заголосила мать, видя, как подхватился Игорь. А тот, боясь, что она вцепится в него, чуть не бегом выскочил из-за стола, на ходу отнекиваясь:

– Да ладно, мам, никуда я не денусь, поговорю и все, – и выскочил в сени.

– Настя у вас? – дожидавшийся сразу у двери Санька протянул мятую пачку «Шипки», щелчком выбив из нее короткую сигаретку.

– С чего вдруг? Ты не тяни давай, говори, че стряслось! – по привычке глянув на дверь, Игорь взял сигарету.

– Значит, дома сидит, с Коляном вместе. Тот тоже в клуб не пришел. Да ниче не случилось. Там с города опять Гуня со своим корефаном на «Иже» прикатил. Мы подумали, что надо тебе сказать.

– И че, если прикатил? Мы с ним вроде обо всем уже договорились.

– Ну да, договорились, пока тебя в армию не забирали. А щас он сказал, что все равно Настя с ним будет, как только ты в армию уйдешь. Все они, мол, одинаковые – его Маринка не дождалась, и тебя никто ждать не будет.

– Че, так и сказал? – Игорь пристально глянул на своего товарища.

– Нет! Просто я ночью по деревне на мотике без фары давно не гонял, вот и придумал, чтоб к тебе приехать, покурить. Ты лучше скажи, че делать?! Колян-то завтра тоже в армию уйдет! – заводной, вечно во все встречающий Санька не понимал, как можно быть спокойным в такой ситуации.

– А вы сами-то, че, ему ничего не сказали?! Или сразу все забздели? Кроме нас с Коляном больше некому один на один выйти? – Игорь, не торопясь, задымил сигаретой.

– При чем здесь забздели, – обиделся Санька. – Настя нас в армию не провожала, чтобы чего-то можно было говорить. Это Гуня, наоборот, сказал, что ты ссанул, раз в клуб не пришел. И вообще, мы же ей не братовья, чтобы два года везде за ней смотреть. Она нас сразу пошлет. Как будто ты Настю не знаешь. К тому же весной мне все равно в армию, и Андрюхе тоже. Короче, – Санька чуть не тербил своего друга, требуя немедленно что-то делать, – это надо прям щас решать, пока ты в армию не ушел.

– Ясно! – Игорь нахмурился. – Я дядьке покойному обещал не трогать этого гаденьша, но он, тварь, тоже тогда говорил, что не будет больше к Насте клеиться. А раз так, то разговор видно не закончился. Придется сейчас ему все по новой и про себя, и про Настю объяснить. А потом, как уеду, пусть она сама решает, с кем ей быть и кого ждать. Давай по-быстрому, туда и обратно, пока мать не спохватилась.

Собравшись придавить почти не куренные сигареты, оба сделали по глубокой затяжке, а наполовину выдыхать, наполовину глотать дым пришлось уже при неожиданно вышедшей Игоревой матери.

– Здрасьте, тетя Вера! – Санька спрятал руку с сигаретой за спину.

– Виделись! – мать грозно оглядела курильщиков. – Э-э-э! Стоят тут, дымят. Им про завтра думать надо, а они никак тайком от родителей накуриться не могут.

Хотела добавить что-то еще, но вместо этого вытерла набежавшие вдруг слезы и зашла обратно в дом. Парни облегченно вздохнули, еще несколько секунд посмотрели на двери, а потом быстро выскочили за калитку. Откатали подальше от нее старенький Санькин «Ковровец», с «толкача» завели, запрыгнули и, не обращая внимания на то, что не горит фара, по вывернутым недавно грейдером булыжникам на полном газу рванули в клуб.

– Ты смотри! – не оборачиваясь, закричал Санька сквозь треск мотоцикла. – Говорят, Гуня уже несколько месяцев в какую-то секцию тренироваться ходит. Он, наверно, потому и раздухарился так сегодня. Но я, если че, сзади буду.

– Ладно, не переживай! Разберемся. Если в самом духу нет, то и святые не помогут. Так мне азанька еще в детстве объяснила, когда, помнишь, мы с ней по бруснику ходили и заблудились. Я тогда сильно испугался и плакать начал.

Клуб, работавший в эту ночь по случаю провадин сверхурочно, вконец вымотавшаяся Галя-завклубом, несмотря на уговоры, минут десять назад закрыла. Однако расходиться по домам после этого поспешили не все, и когда Игорь с Санькой подкатили к клубному крыльцу, возле него, оживленно шумя, толкалось еще десять-пятнадцать парней и девчонок, сразу же обступивших их мотоцикл.

Игорь, на котором поверх модной гиппуровой рубашки ничего не было, зябко поеживаясь, огляделся и, увидев неподалеку в темноте прислоненный к забору

«Иж» и рядом с ним двух человек, тут же направился в их сторону. Санька, вручив свой «ковер-мотолет» пацану помладше, пошел следом.

– Здесь подожди, – чуть оглянувшись, не останавливаясь, спокойно произнес Игорь, – сам разберусь.

Ему оставалось до мотоцикла несколько шагов, когда парень, что повыше и постарше, шагнул навстречу, тряхнул вниз правой рукой, и в ней очутилась не то цепь с палкой, не то палка на цепи, которой он сразу же быстро и ловко завертел периодически перебрасывая ее с руки на руку.

Игорь остановился, усмехнулся, повернулся к забору, демонстративно, с треском и скрежетом, выдрал из него штакетину и равнодушно поглядел на новоиспеченного жонглера:

– Щас, гвоздь получше выпрямлю, и сразу смахнемся: ты со своей палочкой, а я со своей. Только потом, если живой останешься, не обижайся, сегодня я тебя жалеть уже не буду.

И вдруг с диким ревом: «У-у-убью-ю!!!» – в один миг, как медведь к зазевавшемуся охотнику, подскочил к увлеченному крутилкой сопернику и со всего маха так припечатал штакетником по гладкому ровному сиденью мотоцикла, что оно, бедное, чуть не лопнуло. Крик и хлопок от удара по ночи аж до края деревни долетели и всех собак переполошили.

Потом, глядя вслед убегающим, ударил по сиденью еще несколько раз, уже не так сильно, но все равно громко и обратился к Саньке:

– На «ижаке» покататься хочешь? А нельзя, заводи давай свой «ковролет», а то я замерз, и матушка уже наверняка на улице стоит, опять ругать будет.

Прислонил штакетину к забору, подошел к возбужденному и одновременно огорченному, что не получилось драки, дружку, подумал, вернулся обратно к штакетине, отогнул у нее приплюснутый гвоздь и аккуратно продырявил у одиноко стоявшего мотоцикла оба колеса...

Из армии от Игоря пришло всего десять коротких писем: пять домой и пять Насте. Письма почти одинаковые: здравствуйте, все нормально, служу, всем привет, ждите, вернусь. Последнее, самое подробное и, наверное, самое радостное получила Настя. В нем он написал, что наконец-то закончил учебку, и его перебросили на новое место, где началась настоящая служба, и что, когда он вернется, она будет им гордиться. Это письмо она получила весной, перед майскими праздниками – через полгода после того, как Советский Союз ввел свои войска в Афганистан.

Сколько ни пытались родные выяснить, что с Игорем случилось, ничего кроме того, что их группа ушла в горы и не вернулась, узнать не удалось.

Настя, конечно, погоревала, поплакала, а через два года вышла в городе замуж. Не за Гуню. Того почему-то после Игорехиных провадин в деревне невзлюбили, как будто это он виноват, что Игорь, отдав одним разом все долги и оставив невостребованными аккуратно сложенные матерью до его женитьбы белые, красивые полотенца, так и не вернулся... Вот и вся любовь, как говорится...

НЕ ДЕТСКАЯ ВИНА

Рассевшись на пряслах загородки и шкодливо поглядывая с жердочки на медленно и путано шагающего по обочине Ивана Захаровича, пацанва, посмеиваясь, трепалась о предстоящей потехе.

– Он тете Маше сёдня все поломанные лопаты наладил и тяпку новую сковал, поэтому пьяный, – поблескивая глазами, как бесенок, пояснил Мишка, живший возле самой кузницы.

– Да он и так, как с трактора сняли, почти каждый раз пьяный, – деловито заметил Колька. – Батя говорит, что переживаете быстро. Он жеть еще до войны на тракторе работал и на войне танкистом был. Говорят, с батей Куманя чуть не в одном танке...

– Без тебя знаем, – перебили его друзья. – Он потому и стал такой, что танк два раза подбивали, а сам еле живой остался. Один раз даже прямо на Курской дуге.

– Ща, как до лужи дойдет, так сразу подбежим, чтоб его точь-в-точь у серединки остановить.

– Аха! Как Санька тот раз возле Акимовых. Он тада в канаву, как в окоп, запрыгнул, – пацаны уже не могли сдерживать распиравший их смех.

– Все, побежали, – спрыгнув с жердины и похохатывая в предвкушении веселья, ватага рванула в сторону ничего не подозревавшего о готовящейся пакости Ивана Захаровича.

А тот и не мог что-либо подозревать. Он просто шел домой после работы, попутно отдав Марье-куме починенные лопаты. Да и как было не починить, когда ее муж, фронтовой разведчик, уж пять лет как помер, и всю мужскую работу в хозяйстве ей теперь приходится самой тащить. Заодно вот и тяпку новую сковал.

Пробыл-то у Марии всего минут пятнадцать и выпил только три стопочки, а едва вышел за ограду, как забормотал, забормотал что-то одному ему понятное, замахал руками, словно кому что объясняет, а тот никак понять не может. Постоял, потолкался немного у калитки и пошагал, в разговоре со своим невидимым для других собеседником часто останавливаясь и даже поворачивая обратно. Ему, дважды контуженному, после почти двенадцати часов монотонной, а временами тяжелой даже для молодых мужиков работы и трех стопочек за глаза хватило.

В совхозной отделенческой кузнице, где Иван Захарович «заведовал наковальной», вентиляцию и обогрев в одном лице представлял горн, а автоматизацию – пара кувалд да десяток разнокалиберных молотков. Та же вездесущая ребятня, что сидела на заборе, частенько навевалась в кузню, посмотреть, как чего там делается. Не особо разговорчивый, но очень добрый Иван Захарович никогда не выгонял ребятшек и разрешал им шариться по всей кузнице, перебирать железяки и даже брать что-нибудь себе, если это не было действительно нужной для работы вещью... Щуплый, среднего роста, он никак не соответствовал описанному в сказках облику деревенского кузнеца. Впрочем, волшебные мечи и огромные лемеха ему тоже ковать не приходилось. В основном доставалось латать мелкий инструмент, ковать различные штыри и пальцы, а в остальное время крутить гайки, как обычному слесарю, для которого работы на совхозном мехдворе хоть в жару, хоть в стужу всегда навалом.

Кузнец проходил аккуратно мимо середины не высыхающей даже в июле придорожной лужи, когда школьники шумно обступили его, оставив свободной только сторону с краю воды.

– Здравсьте, Иван Захарыч!

Не сразу сообразив, что такое вклинилось в его сознание, тот остановился и, прервав «беседу» с самим собой, посмотрел на галдящую вокруг него рубашечно-маечную пестроту замутненным, далеким как от этой пестроты, так и от всего этого времени взглядом. Слегка вздрогнул, возвращаясь к реальности, и снова забормотал, обращаясь уже к ребятнишкам:

– Да-а! Марей вот лопаты... она говорит... а я сковал. А Марей, она у-у-у... Сергея-то нет уже... а без лопат нельзя...

Пацаны, зная, что он может вот так вот перебирать одно и то же часами до тех пор, пока не зацепится взглядом или памятью за что-нибудь другое, быстро перебили его:

– Иван Захарыч, Иван Захарыч, а ты на войне танки видел?!

– О-о-о! – глаза Ивана Захаровича мгновенно оживились, и взгляд стал вполне осмысленным и даже молодежавым.

– А ездил в танке? А в тридцать четверке ездил? А какой танк самый лучший? А немецкие танки подбивал? – видя, как с пол-оборота завелся старый танкист, тут же зачастили подстрекатели, беря своими вопросами его и без того неспокойную память.

Иван Захарович, отвечая на все разом, беспорядочно замахал руками, затоптался, поворачиваясь то к одному, то к другому из окруживших его мальчишек, и с такой непосредственностью стал громко рассказывать им про самый лучший в мире танк Т-34, про то, как от его снарядов «в хлам» разлетались немецкие «тигры», словно сам был таким же, как они, малолетком. А те, скача вокруг пьяненького Ивана Захаровича, с криками, будто играли в «перестрелку», продолжали забрасывать его все новыми и новыми вопросами и все больше и больше распаяли память танкиста, подталкивая его к неизведанному ими, а потому казавшемуся забавным миру со страшным названием – война. И так до тех пор, пока для Ивана Захаровича все звуки вокруг не заглушили взрывы снарядов и треск пулеметов, а видимое не скрылось в дыму горящей земли и танков. Пока не исчезло все, кроме боя, того последнего боя, после которого война для него закончилась.

Но в этот раз он должен завершить бой совсем по-другому, и потому вступил в него без всякой оглядки и промедления. Ухватился за рычаги, и танк рванул вперед. Иван Захарович управлял, заряжал, отдавал команды, наводил пушку и стрелял. Стрелял, стрелял по врагу до последнего снаряда, до последней секунды сознания. Он был один за весь свой экипаж, потому что почти тридцать лет назад, очнувшись уже в госпитале, он даже не знал, как и почему в нем оказался и осталось ли хоть что-нибудь от его друзей или, как от многих погибших танкистов, только свидетельства и память уцелевших в бою очевидцев-однопольчан.

Но для глупых, ищущих своего озорного развлечения мальчишек это был всего лишь пьяный Иван Захарыч, на которого очень смешно смотреть, когда он «воюет». И они смеялись – громко, не стесняясь и не понимая, над кем и над чем смеются.

А когда «бой» стал утихать, все враз замерли, и только один из них завопил:

– Немцы слева! Иван, к пулемету!

И Иван схватился за пулемет. Упав прямо в лужу, он стал бить длинными прицельными очередями, не подпуская гадов к подбитому танку. Его тело затрясло от отдачи пулемета, слеповатые после контузии глаза налились кровью, а из горла пошел протяжный, хриплый, мало похожий на человеческий вой. Ствол пулемета кидался то влево, то вправо, а рука судорожно шарилась по затвору, когда пулемет умолкал. Горящая броня нагрелась, и стало жарко, а может, на стрелке загорелся комбинезон, потому что Иван начал рвать с себя старенькую серую прожженную в нескольких местах искрами горна куртешку, продолжая при этом стрелять.

...Если бы мы увидели это сейчас, став взрослыми, нам стало бы больно и страшно. Но мы этого никогда больше не увидим, и сейчас нам больно и стыдно. А тогда было весело. Мы уже не могли смеяться, у нас не было для этого сил, и из нас вырывалось не то хлюпанье, не то хрюканье, а животы от смеха свело, как при икоте. Трудно придумать потеху уродливее этой. Слава богу, закончилась она так, как должна была закончиться...

Разгневанная баба Ганя с криком: «Ах, вы, акаяннай!» – так торопилась, что даже не поправляла свой неизменный белый в горошек платочек, сбившийся с седых, завитых в тоненькую косичку волос. В руке ее подергивался длинный бич, которым гоняют скотину, и не было никаких сомнений, что если хоть на чуток

задержаться, то узнаешь, что ощущают на своей хребтине напакостившие телята. Потому, ни секунды не мешкая, «окаянные» рванули к спасительному забору и снова расселись на нем, возбужденные, довольные удавшейся вылазкой и готовые немедленно чесануть дальше.

Но бабушка даже не попыталась за ними гнаться. Доспешив до лужи, бросила бич и, не снимая своих хоть и давнишних, но вполне сносных туфель, не жалея длинной юбки, подол которой тут же вымок, зашла в лужу и, запричитав, стала поднимать хрипящего Ивана Захаровича.

– Ваня, Ваня, спокойся, вставай! Нету больше войны, нету, кончилась проклятушца, давно кончилась. И тебе домой надо, Марине ждет, опять ругаться будет, что сморался. Подымайся, Ваня, подымайся.

Но подняться Ваня уже не мог. Может, самогон добрал свое, а может, и без того слабый, он во время боя истратил последние свои силы. Сумев лишь откинуться на спину и опереться на локти, тяжело дыша, прикрыл заслезившиеся глаза и, что-то шепча, то и дело старался ухватиться за подложенную ему под голову руку бабы Гани. Та сначала попыталась его поднять, потом хотя бы выволочь из лужи, но, не сумев даже сдвинуть, только беспомощно огляделась вокруг.

Остановила тут же посуровевший взгляд на внуке, сидящем со своими друзьями на заборе, и сердито прикрикнула:

– Че расселися?! Помогитя! Не видетя, поднять не могу!

Почему-то даже не думая о лежащем возле лужи биче, от которого только что пришлось убежать, все вспорхнули с забора и, на ходу закатывая штанины и скидывая обувь, устремились в лужу. Облепив Ивана Захаровича словно мураши, выволокли его на травку и прислонили спиной к штакетнику палисада возле низенькой лавочки, как велела бабушка. Достав из складок кофты чистую тряпочку, которую всегда держала при себе, баба Ганя принялась вытирать Ивану Захаровичу лицо.

Тряпочка сразу намокла, и бабушка, коротко глянув на внука, негромко командовала:

– Там, у рукомойника, холщово полотенце, сбегай, принеси. Да большой ковш воды в бочке, что в избенке, почерпни.

Довольный, что бабушка так скоро остыла от гнева, что уже даже обратилась к нему за подмогой, внучек пулей метнулся к дому.

Тщательно помыв и вытерев Ивану Захаровичу лицо и руки, баба Ганя присела рядом на лавочку. Помолчала, повздыхала, обращаясь к своему далекому небесному Господу, и тихо заговорила:

– Мой-то Аверька на войну не ходил, еще до ее помер. А Ивану пришлось. Он до войны в армию ушел, сразу после коммуны. В колхозе-то он на тракторе сидел, парень был. Што с им счас, смотреть не надо. Все война проклята. Но он хоть живой пришел, детей народил, и столь годов работает, как все. Безотказнай, хоть сена, хоть дров притащить – упрашивать, как нынешню молодь, не надо было. Денег сроду ни с кого не брал, а мядали все пропил да порастерял.

Опять помолчала, повздыхала и тяжело поднялась:

– Вы, ребята, побудьтя тут с им, а я пойду. Он скоро встанет, вы яво до дому проводитя, чтоб никто не обидел. Марине ругаться станет, скажите, мол, споткнулся да упал, а я умыла да с вами отправила.

Чуть отойдя, вспомнила про одиноко лежащий бич, вернулась, подняла и, волоча его за собой, побрела к дому, провожаемая виноватыми взглядами мальчишек.

– А мой батя вместе с дядь Сережей Шлыковым воевал, – вдруг тихо произнес Колька Лашманов, по-прежнему глядя вслед уходящей бабе Гане. – Я даже видел, как он плакал, када дядя Сережа умер.

– А мой батя минометчик, – тоже очень тихо, не то Кольке, не то сразу всем ответил Серега Фидик. – Они с Пуцилой вместе под Сталинградом воевали, тока не встречались там ни разу. Зато батя видел, как там Михайлова с Первоуспенска немцы на штыки подняли. Тот прикрывал, прикрывал наших, а потом хотел себя взорвать вместе с немцами, а мина от миномета не взорвалась. Батя говорит, прямо на глазах подняли, чтобы все видели.

– А у нас и не воевал совсем, – Витька Лысков, по кличке Буржуй, что был лет на пять старше остальных, пнул камень в лужу, – в первый же день ногу оторвало, и всё. Мамка рассказывала, как потом уже, после войны, ему медаль прямо домой привезли.

– А у Иван Захарыча много медалей? – простой Вовкин вопрос неожиданно озадачил компанию, и, пожав плечами, все посмотрели на постанывающего танкиста. Действительно, никто из них никогда не видел у него наград.

– Наверно, много, раз на Курской битве был, и танк два раза подбивали, – после некоторого раздумья сам себе ответил Вовка.

– Точно много, потому что он хоть и танкист, а даже в рукопашную ходил. И када в том году Потемкин на День Победы в клубе выступал, дядя Леша Шлыков бате говорил, что лучше бы Ивану дали сказать, потому что больше иво у нас в деревне никто на свою смерть напрямки не смотрел, – поддержал Вовку Лашманов Колька.

– А он откудава знает? – скорей на всякий случай, чем действительно сомневаясь, заспорил Витька.

– Откудава! У иво Орден Славы есть, и он в штрафбате был, за то, что немца убил, вместо того чтобы в плен взять. И вообще он батин друг! – вызывающе посмотрев на Буржуя, подытожил Колька.

Доводы были железные, и перепалка закончилась, не начавшись.

– А почему тада Люська Иван Захарыча стесняется? Вон у дяди Ильи ноги нету, а Буржуй же иво не стесняется, – никак не унимался в своих выяснениях Вовка.

– Ты тожьеть дядю Илью никада не дразнишь, а Иван Захарыча сколь раз уже... – начал было Мишка, но договорить не успел, потому что танкист открыл глаза, что-то сипло прошептал, и на него тут же обрушился приступ душераздирающего кашля.

Мальчишки, мгновенно став серьезными и даже как будто повзрослев, взяли стоявший на лавочке ковш с остатками воды и склонились над Иваном Захаровичем, как во все времена склонялись бойцы над своими ранеными товарищами.

...Я не помню, о чем мы говорили, и не знаю, что каждый из нас решал для себя, пока мы провожали старого солдата до дому. Наверное, внешне это никак не проявилось, потому и осталось за памятью. Но все-таки за эту короткую дорогу с нами что-то произошло. Потому что, доведя его до калитки и усадив на лавочку, мы не сбежали, как обычно поступали, набедокурив, а виновато дождались, пока вышла тут же переполошившаяся тетя Марина, и, стыдясь, даже не сумели ей хоть что-нибудь сказать...

С тех пор больше никто не отправлял Ивана Захаровича «на войну». Но он все так же продолжал воевать в своей не поддающейся времени памяти. Не давая покоя, вызывая порой раздражение окружающих, память до самой смерти разрывала его изнутри бронейными снарядами и выжигала горящими танками.

Простите нас, дядя Ваня.

